

ПЕРСОНА

Александр Борисович, у вас очень усталый вид. Как всегда, много работы?

— Скорее забот очень много. Сейчас все на меня навалилось: и ремонт дома, и семейные хлопоты. А вообще вы правы: работы этим летом очень много. Съемки, озвучивание по снятым картинам, творческие встречи со зрителями, на телевидении продолжается программа "Ностальгия"... Много разных дел.

— Как же все успеть?
— Вот это как раз и угнетает. Лежишь иной раз и думаешь: как бы спланировать эти дни. Чтобы выкроить часок туда, часок сюда. О том, чтобы пожить спокойно на даче, чтобы собрать смородину и прополоть клубнику — об этом уже и не думаю.

— Сколько лет не были в отпуске?

— Какой отпуск? Я уже на пенсии 11 лет.

— Не больно-то вы похожи на пенсионера.

— Почему? Я нигде не работаю, нигде в штате не числюсь. А если и играю четыре спектакля, снимаюсь в кино, озвучиваю роли, то там отпуск не предусмотрен. Хочешь — соглашайся, не хочешь — не соглашайся.

— Понятно, колхоз — дело добровольное. Я имею в виду — на месяцок отрешиться от всех дел.

— Даже когда выезды за рубеж были под запретом, меня и тогда не тянуло куда-то ездить. Если и бывал за границей, то только по работе. На меня все смотрели как на сумасшедшего, когда в 70-е годы я отказался от поездки во Францию. Очередь стояла, чтобы попасть в ту группу, а я ни в какую. Нет, туристом за границу и бесплатно не поеду. Однажды меня угостили поехать в Америку. И вы знаете, такое чувство унижения там испытал. Отсутствие денег, несвободное поведение... Ощущаешь себя каким-то дрессированным тюленем.

— Посмотрите на это, посмотрите на то...

— Так не узнаешь ни людей, ни страны. Унизительно.

— Но вы же английский вроде свободно владеете. Можете обходиться и без экскурсоводов.

— Английским я владею не до такой степени, чтобы пойти, например, посмотреть спектакль. И даже в кинотеатре, когда актеры быстро говорят, я теряю смысловую нить. Нет навыка схватить язык. Поэтому когда с кем-то говорю по-английски, не устаю повторять: "Not so quickly!" — только не так быстро. Нет, мой английский далек от совершенства... Вот недавно мы ездили к другу в Канаду на неделю. Жене нравилось, а я... Пожил-пожил — и так домой потянуло! Знаете, мне и дома хорошо. Только здесь я себя полноценным человеком ощущаю. Могу позволить себе то, что хочу.

— Однако вы часто снимаетесь за рубежом. Недавно вышел голливудский фильм "Цена страха" с вашим участием.

— Да, этот фильм "Парамаунт" снимал в Канаде. Американцы тоже не дураки, деньги считать умеют — там дешевле. А еще в Майами снимался — райские края, но тоже домой потянуло через 10 дней. В Париже... Ну, там вообще со мной такое приключилось...
— Что же?
— Только приехали — и меня сразу обокрали. Араб какой-то прямо в метро в карман залез. Сначала мне казалось, что он просто прижимается ко мне. А я по-французски говорю еще хуже, чем по-английски. Но сказал ему, вежливо так: "Это некрасиво, не надо так делать". И отвернулся. Когда поднялись наверх, залезаю в карман — пусто. "Знаешь, — говорю жене, — у меня было там 50 франков, наверное, все-таки он у меня их спер". Но даже хорошо, что я в метро в карман не полез. Оказался бы в идиотском положении. Что бы я сделал? Объясниться я с ним не мог. Мог только в морду заехать.

— Действительно могли дать по морде?

— Запросто. Когда я прав — почему нет? Верни деньги, и все! Недавно вот у одного отобрал полторы тысячи.

— Его личным?

— Нет, своих. Он не воровал, просто обжулил меня, обсчитал. Ну, я с ним по-русски и объяснился. Говорю: "Сейчас в морду дам". Вернул тут же.

— То есть, если что — у вас разговор короткий? В морду, и все.

— Нет, это крайняя мера. После долгих объяснений, причем не только со мной...
— Если Белаявский начинает что-то рассказывать, остановить его практически невозможно. Вот и сейчас нахлынули воспоминания о зарубежных поездках, каждая из которых по своему анекдотична. Чего стоят хотя бы истории про то, как актер улетал из Парижа по паспорту жены, как два дня жил на даче Геринга в Германии, как в той же Германии таможенники заподозрили в нем контрабандиста, как в Италии его чуть не посадили в тюрьму, приняв за сексуального маньяка...

— Александр Борисович, у вас столько замечательных историй. А книжку-то свою на полпути забросили. Чего так?

— Ну, я писал, писал... А потом думаю: а кому это все нужно?! Да к тому же ленивый я в этом плане. Это же надо долго сидеть, писать чего-то. А когда начинаешь писать, вспоминается и то, и то, и то... Ничего не упустить. Там же и история моего детства с самоубийством матери школьного друга. Удивительные есть вещи: поиски монастырской подпольной ходы в нашем дворе... Много чего написано, но теперь забросил все.

— Неужели так и не закончите?
— Не знаю. Если стану вдруг инвалидом, буду сидеть без движения — вот тогда, может быть, и закончу. А пока нет — жить некогда, не то что писать.

— Александр Борисович, сейчас вы производите впечатление солидного уравновешенного господина. А в молодости, судя по вашей творческой биографии, для вас было характерно бросаться из крайности в крайности.

— Что вы имеете в виду?
— Да хотя бы ваш побег из Театра сатиры.

— Это нельзя назвать побегом. Я просто ушел. Но ушел действительно некрасиво. Долго на мне висел тяжелый груз за тот поступок. Но в конце концов мне ведь перед Плучеком удалось камень с души снять. Дело в том, что из Театра сатиры я ушел бы все равно. Юношеский максимализм, вся эта горячность... В стране тогда началась так называемая хрущевская оттепель. Все вдруг заговорили о том, что

"Высок, строен, широк в плечах, узок в талии. Лицо бледное, лоб высокий, глаза синие... Он вообще красивый парень... Губы, пожалуй, слишком тонкие, но это его не портит. Зубы ровные, на подбородке ямочка... Умен и отважен". Именно так, вспыхивая полными страсти глазами, описывала его героиня Наталья Фатеевой. С тех пор как с чудовищным грохотом по стране прокатился культовый фильм "Место встречи изменить нельзя", минуло уже без малого четверть века. Он уже не так строен и широк в плечах, волосы покрыл снег прожитых лет. Легкость в движениях куда-то подевалась, зато... появился радикулит. О том, в кого пачками влюблялись романтически настроенные советские барышни, в нем теперь напоминает разве что куда-то не девшаяся ямочка на подбородке. Однако чего-чего, а работоспособности в нем за долгие годы ничуть не поубавилось. Даже наоборот. В свои 72 постаревший "красавчик Фокс", он же Александр Белаявский, по-прежнему остается одним из самых востребованных актеров в нашего кино.

ПО ИМЕНИ

С женой Людмилой.

ФОКС

Александр БЕЛЯВСКИЙ: "Мне страшно, когда дети играют в "Бригаду"

раньше было под запретом. Плучек пытался было поставить "Теркин на том свете", но, видно, ему не рекомендовали. И мы, в отличие от других московских театров, вместо того чтобы занимать гражданскую позицию, вдруг начинаем релетировать такую пустышку, как "Женский монастырь". Сейчас-то я совершенно иначе считаю. Сделать веселый, хороший спектакль — это намного дороже всяких политических, пусть и актуальных, но однодневок. Вот Гайдай — молодец. Он просто делал людей счастливыми. И Плучек правильно сделал, что поставил "Женский монастырь". Но я тогда был просто возмущен. Казалось: надо быть гражданином, надо заявить о том-то, о том-то, как раз это дело сатиры, и так далее и тому подобное. И вот как-то, разгорячив самого себя, я в антракте спектакля пишу заявление об уходе. Не поговорив с Плучеком, не объяснившись. На следующий день ко мне домой приезжает администратор театра и говорит: "Забери свое заявление. Делаешь большую глупость. Ты в хорошем театре, востребован. Театр на тебя рассчитывает, на тебя строятся планы. Звание, в конце концов, не за горами..." — "Да не нужно мне звание", — говорю. Ой, знали бы вы, сколько меня этим званием манили...

— Вы, по-моему, народным так и не стали.

— Да вы что?! Нет, конечно. Когда меня спрашивают, я в шутку отвечаю: "Не достоин".

— А на самом деле как думаете?

— Я никак не думаю. Народ меня знает. А если Министерство культуры не знает — это их проблемы... Так вот, насчет Плучека. Поступил, конечно, неуважительно, некрасиво. А театр меня не забывал. Приглашал на капустники, на банкеты. И вот на одном из банкетов я сказал себе: надо сейчас же подняться к Валентину

Николаевичу на пятый этаж в его кабинет и извиниться перед ним. Он обрадовался моему приходу: "Вот, — говорит, — настоящий герой-любовник". Я пытаюсь ему что-то сказать, он не слушает. Выбрав момент, говорю: "Валентин Николаевич, я пришел извиниться". — "Да ладно, — говорит, — не надо ничего". Я настаиваю. "Ну хорошо, если тебе нужно, я принимаю..." И у меня камень с души свалился.

— Вам часто приходилось извиняться?

— Нет, не очень. Я, конечно, совершал в жизни ошибки, может быть, и обижал людей. Но никогда не делал это корыстно, или сознательно, или из чувства какого-то хамства. Вот этого не было... Мне очень дороги слова нашей ассистентки с "Мосфильма": "Вы знаете, у нас есть актер, которого я глубочайше уважаю за то, что не слышала от него ни одного дурного слова в адрес своих коллег".

— Вас имела в виду?

— Да. И Лион Измайлов однажды сказал: "Саша, почему я всегда рад тебя видеть — встречаешься с тобой, и такая приветливость и расположение просто даже жить помогают". Вот эти слова запоминаются. И согревают. Я ведь напроцех лишен этой самоуверенности, сказанные в мой адрес добрые слова порой просто необходимы... Да-да, я знаю, что со стороны произвожу впечатление непрошибаемого самоуверенного человека. Многие говорили. До того, как узнавали. Вообще-то я и в кино пришел поздно, чувствовал, что это не мой мир. Робко в него входил, без необходимого хамства. Смушался перед режиссерами, а это мешало.

— Несовпадение внешнего и внутреннего — это тяжело?

— Да. Приведу один пример. В Театре сатиры мне посчастливилось застать Георгия Баронова Тусузова, замечательного актера и прекрасного человека. Спустя месяц или два после нашего знакомства он мне сказал: "Саша, какая же трагедия тебя ждет в жизни". Спрашиваю: "Какая, Георгий Баронович?" — "Ты понимаешь, в чем дело (он оперировал терминами революционного театра): внешне ты — франчайн, а внутри — рубашечный".

— В чем же трагедия?

— Расхождение между внутренним миром и внешним. Разрыв. Правда, мне это не мешало.

— Насчет трагедий. Я читал, что в свое время вас не утвердили на роль Остапа Бендера. Обида осталась?

— Осталось недоумение. Ужасно, когда нашим делом руководят чиновники. Мне же так внятно ничего и не объяснили. Гайдай тогда со мной поделился: "Они не хотят даже посмотреть твою пробу. Говорят мне: "Привезите все пробы Бендера, кроме пробы Белаявского".

— Почему?

— Вот это меня и заело: почему?! Тут вмешался Чухрай: "Ребята, — говорит, — не лезьте, я тихонько все улажу. Будет он у тебя сниматься". Но я уже разгорячился. Проба у меня была замечательная. И Гайдай говорит: "Я хочу, чтоб у меня только ты снимался". Что делать? Но горячность не давала покоя. Ну как: я ночь не переживу, пока не узнаю. А, ладно! Ловим машину — и к Баскакову, замминистра культуры. Секретарша на пороге становится грудью: "Он устал. К нему нельзя". Я ее, как мебель, отставил в сторону и вошел к Баскакову. Сидит. Если бы кто его видел... У него был очень тяжелый взгляд и мрачное, суровое выражение ли-

ца. А я после "здравствуйте" говорю: "У меня к вам только один вопрос: почему вы не хотите посмотреть мою пробу?" Долгое молчание. Потом ба-бах — кулаком по столу (а это была годовщина столетия Ленина). "У меня 16 "Ленинов" висит! А тут приходит, понимаешь, актер, ему Бендера играть хочется. Да я вообще закрою эту картину! Не нужна она!" О, — думаю, — я, наверное, Гайдаю подсурипил будь здоров, вообще картину закрою из-за меня. "Хорошо, — говорю, — вы можете закрыть картину. Объясните мне только простую вещь: почему не хотите посмотреть мою пробу?" Опять пауза. Успокаивается и говорит: "Вы у нас играете положительных героев. А Бендер — это жулик, мерзавец. Не надо его героизировать. Вы не должны играть Бендера". Тут меня понесло: "Владимир Евтианович, я ведь не из кукольного театра. Я актер, разные роли играю". На что услышал: "Этот Гайдай, понимаешь, набрал всяких бухашек в свою картину, а вы будете ходить, среди них блистать. Нет!" Уже перед выходом он меня окликнул: "А какая у вас ставка за съемочный день?" — "Двадцать рублей", — говорю. Баскаков удивленно так бровями повел, кинул мне вдогонку: "Ладно, я посмотрю" — и ушел. На следующий день Баскаков слег в больницу. Чтобы не смотреть всех "Ленинов", чтобы не связываться с Бендером. И решение по моему вопросу поручил своей заместительнице. Которая, прекрасно зная его позицию, сказала Гайдаю: "Леонид Иович, ну это совсем не то". И предложила на роль Бендера — сейчас вы в обморок упадете — Баталова. Актера, который играл суперположительные роли.

— Александр Борисович, а вас не раздражает, что из более чем ста ваших ролей люди запомнили Фокса?

— Ой, не говорите. (Смеется.) Фокс сде-

лал меня известным, но надолго "слонал" кинокарьеру. Для режиссеров я стал не Белаявским, а Фоксом, и долгое время меня приглашали играть только бандюков всяких.

— А если серьезно?

— Серьезно? Конечно, счастье, что роль помнят. А еще счастье — это работа с Говорухиным... Знаете, у него такая речь своеобразная. Никогда не поймешь, серьезно говорит человек или шутит. Стоит однажды, задумавшись, и говорит: "Надо бы нам с тобой еще одну сценку снять". — "Какую?" — "Ну, тебе с бабой какой-нибудь". — "В каком смысле?" — "В том самом, в том самом... А то все про Фокса говорят: бабам нравится, бабам нравится. Пусть на деле докажет". Но я, знаете ли, тоже не промах. Отвечаю как ни в чем не бывало: "Ну да, это интересно, зритель будет смотреть. Только, Слава, когда будешь съемку назначать, ты уж о дублере-то позаботься. Два дубля я еще сам сделаю, а дальше..."

— Я читал, что будто бы Высоцкий настоял, чтобы Фокса сыграли именно вы. Вы что, с ним были хорошо знакомы?

— Нет. Мы виделись всего-то один раз — мельком пересеклись в Театре на Таганке. Понятия не имею, почему он меня выбрал. Может, фильм какой видел с моим участием? Теперь остается только догадываться, а тогда я не спрашивал.

— А вы отдаёте себе отчет в том, что ваш Фокс стал родоначальником теперешних кинобандитов-обаяшек?

— В нем было не обаяние... Моей подготовкой на съемочной площадке занимался Высоцкий. Он мне сказал тогда важнейшую вещь: "Фокс — это человек, который очень себя уважает". Вот это было самое главное: независимость и самоуважение. А сильные личности в нашем народе всегда почитались.

— До такой степени, что бандиты типа Фокса сегодня стали героями нашего времени. Вам не страшно?

— Если честно, есть немного. Недавно я с ужасом прочитал, что дети уже играют в эту самую "Бригаду"... Но не надо сравнивать два этих фильма. "Бригада" лишена тех душевных разладов, которые происходят с каждым из нас ежедневно, ежеминутно. Когда подсознательно люди мучаются: поздороваться или не поздороваться, простить или не простить, вернуть кошелек или не вернуть. Вот такие, вроде и бытовые, но поворотные вещи: как жить по душе, по справедливости, что достойно, а что недостойно? На эти вопросы фильм "Бригада", к сожалению, не отвечает...

— Пожалели, что снялись в "Бригаде"?

— Чего жалеть, работать надо. Кроме того, я всегда действую по принципу, что кино — это неродившийся ребенок. Никто не знает, каким он вырастет. Я ведь не думал, что про "Место встречи изменить нельзя" будут говорить эту жуткую фразу: "культовый фильм". Никто не предполагал. Или приведу вам другой пример. Когда-то я отказался от роли Алеши в "Балладе о солдате". Мне Чухрай предложил попробоваться, я прочитал сценарий и сказал ему: "Ну что тут интересного. Все он едет и едет. С кем-то встречается, с кем-то разговаривает. Ни сюжета, ничего". Фильм в итоге получил очень широкую известность. А меня, видите, он тогда не заинтересовал.

— Локти потом не кусали?

— Я бы не сказал, что фильм меня как-то тронул. Нет, то, что отказался, — дурак, конечно. Но прожить жизнь без ошибок невозможно.

— К стати, сейчас про вас говорят, что от ролей вы не отказываетесь. Это так?

— Практически не отказываюсь. Только в крайних случаях. Почти в любой роли можно найти какой-то интерес. Я понимаю, что фильм не станет шедевром. Ну не могут режиссеры снимать одни шедевры. На среднем фоне фильма два-три где-то выскакивают. Попадешь ты в них или нет — это уже воля случая. А работать ведь все равно надо. Ну, буду я сидеть и выбрасывать все сценарии, которые мне предлагают. И чем это кончится?

— А как вы считаете, что для актера более ценно: сниматься в главной роли посредственного фильма или в эпизоде фильма-шедевра?

— Это смотря кто какие цели для себя преследует.

— У вас какая цель?
— Работать. Я лишен тщеславия, желания всемирной известности, богатства... Это все не для меня. Мне нужна работа. Если она получается — хорошо. Если могу материально обеспечить семью — хорошо. Если это не вредит моему здоровью — хорошо. А сидеть в мои годы и ждать, что на меня какой-то шедевр вдруг свалится... Извините, когда человеку за семьдесят и он востребован — это уже счастье. Но это вовсе не означает, что я соглашаюсь на любую работу. Как-то мне предложили озвучить порно...

— ???

— А чего такого? Деньги были большие. Предложить — одно, а уж согласиться — совсем другое. Мы работали на озвучке одного фильма, и в конце смены режиссер сказал: "Ребята, кто хочет подзаработать, задержитесь. Сейчас мы тут один роликчик озвучим". А когда выяснилось, что это за роликчик, я сказал: "Извините, я уже не хочу задерживаться". Вообще, это противно — подсматривать за другими, да еще и изобразить...

— Однако же капустаники Аркадия Инина вы озвучиваете. А ведь там шуточки порой весьма кабрзные.

— Да, на грани фола... Но знаете, мат — это тоже часть языка. Которая, конечно, должна появляться только в определенных мгновения. Только! Или в моменты ярости какой-то, или, как писал Брюсов: "Все слова, какие мучат воспаленные уста в час, когда бесстыдству учат темнота и нагота". Бытовой мат, повседневный, уличный — отвратителен. Грязный, бессмысленный...

— А что может заставить вас выругаться матом?

— Не знаю... Когда вижу, что беседу с человеком, который другими словами ну ничего не понимает...

— Тогда вы переходите на его язык?

— Нет, не перехожу. Достаточно один раз сказать, и тогда наступает какое-то взаимопонимание.

Дмитрий МЕЛЬМАН.